

McConnell S. Philosophical Life in Cicero's Letters. Cambridge: Cambridge university press, 2014. VIII, 260 p.

Целью книги новозеландского учёного Ш. Макконнелла является «детальное рассмотрение писем Цицерона с философской точки зрения» (с. 2). Насколько нам известно, это первое в мировой науке монографическое исследование данной темы. Разумеется, переписка и раньше привлекалась при изучении философского наследия Цицерона, однако главным образом в качестве вспомогательного источника¹. Лучший из существующих на сегодняшний день комментариев ко всему корпусу писем Цицерона, составленный Д. Р. Шеклтоном Бэйли², в этом отношении также неудовлетворителен: очень часто философские вопросы затрагиваются в нём лишь вскользь либо вообще обходятся молчанием. Пожалуй, наиболее близка по тематике к рецензируемой книге монография Ж. Боэза «Философия и действие в переписке Цицерона»³ – смелая и оригинальная работа, содержащая ряд ценных наблюдений; однако с главными выводами её автора невозможно согласиться⁴. Кроме того, следует упомянуть недавно вышедшую монографию Е. Барац, в которой изучению переписки Цицерона посвящена отдельная глава⁵.

Книга построена по проблемному принципу. Каждая из пяти глав, по сути, представляет собой законченное небольшое

¹ Наиболее удачные, на наш взгляд, примеры: *Boyancé P. Les méthodes de l'histoire littéraire: Cicéron et son œuvre philosophique // REL. T. 14. 1936. P. 288–309; Bringmann K. Untersuchungen zum späten Cicero. Göttingen, 1971.*

² *M. Tullius Cicero. Epistulae ad Atticum (Cicero's letters to Atticus) / Trans. and comm. D. R. Shackleton Bailey. Vol. I–VII. Cambr., 1965–1970; M. Tullius Cicero. Epistulae ad familiares / Ed. and comm. D. R. Shackleton Bailey. Vol. I–II. Cambr., 1977–1978; M. Tullius Cicero. Epistulae ad Quintum fratrem et M. Brutum / Trans. and comm. D. R. Shackleton Bailey. Cambr., 1980.*

³ *Boes J. La philosophie et l'action dans la correspondance de Cicéron. Nancy, 1990.*

⁴ См. их критику, например: *Berry D.H. Rev. on: Boes J. La philosophie et l'action dans la correspondance de Cicéron. Nancy, 1990 // JRS. Vol. 82. 1992. P. 249–250; Griffin M. Philosophical Badinage in Cicero's Letters to His Friends // Cicero the Philosopher. Oxford, 1995. P. 327.* Автор рецензируемой монографии также заявляет о своём неприятии построений Ж. Боэза (с. 2, прим. 4).

⁵ *Baraz Y. A Written Republic: Cicero's Philosophical Politics. Princeton, 2012. P. 44–95.* Ш. Макконнелл, кстати, не использовал эту работу в своём исследовании.

исследование одного конкретного вопроса (как выражается сам Ш. Макконнелл, *case study*). Тем не менее перед нами именно монография, а не сборник очерков, ибо отдельные части книги связаны (какие-то в большей степени, какие-то в меньшей) несколькими сквозными темами, к которым автор обращается в каждой из них.

Введение начинается со сжатого историографического обзора (с. 1–4), после чего Ш. Макконнелл кратко пересказывает содержание всех глав книги. Хронологические рамки работы – 63–45 гг. (все даты – до н.э.). Такое самоограничение представляется несколько странным, тем более что убедительного объяснения ему не даёт и сам автор. Если верхнюю хронологическую границу (консульство Цицерона) мы ещё готовы признать обоснованной (хотя Ш. Макконнелл периодически всё-таки касается переписки, относящейся к более раннему времени, см. с. 44–54), то нижняя (диктатура Цезаря) выглядит совершенно произвольной. Между тем от 44–43 гг. сохранилось немало писем, в том числе и философского содержания. Определяя предмет исследования, Ш. Макконнелл оговаривает, что он фокусирует своё внимание почти исключительно на вопросах, связанных с политической философией и практической этикой (с. 5). Затем обсуждаются время и обстоятельства издания переписки. Ш. Макконнелл совершенно справедливо рассматривает античную эпистолографию как особый литературный жанр, а письма Цицерона – как литературные произведения. Разумеется, отдельные письма носят более частный и интимный характер и, по-видимому, не предназначались для широкого распространения. Однако большинство посланий читались не только их адресатом, но и третьими лицами, что прекрасно осознавал автор. Поэтому письма играли важную роль в конструировании «публичного образа» (*public profile*) самого Цицерона. Кроме того, большое значение Ш. Макконнелл придаёт поиску внутренней связи между отдельными письмами и объединению их в группы, которое далеко не всегда совпадает с традиционным разделением корпуса на книги, произведённым, по-видимому, ещё древними издателями (с. 9–13). Далее Ш. Макконнелл рассматривает формы, в которых в переписке присутствуют аллюзии и ссылки на различные философские доктрины. Это могут быть прямые цитаты, с указанием источника или без него; парафразы; упоминание имён философов или отдельных технических философских терминов и т.д. (с. 14–26). В заключительной час-

ти введения автор обосновывает своё стремление рассматривать по крайней мере некоторые письма Цицерона в рамках античной традиции написания философских посланий, сформировавшейся к I в. Он находит в сохранившемся корпусе переписки влияние таких жанров посланий, как *παράμυθια* (*consolatio*), *ἀπολογία*, *σχολή* и *συμβουλευτικόν* (с. 26–32). Заметим, что эти мысли в дальнейшем получают развитие во всех пяти главах.

В первой главе «Исследуя связь между философией и политикой» (с. 33–61) автор рассматривает письма 60–50-х гг. и сравнивает их с предисловиями к философским диалогам Цицерона 50–40-х гг., в которых тот рассуждает о своём видении места философии в политической жизни Республики. Ш. Макконнелл полагает, что до своего изгнания в 58 г. Цицерон строго отделял философию от политики. Однако затем его взгляды меняются. Уже к концу 54 г. Цицерон убеждён, что философия может и должна присутствовать в политической практике. Ш. Макконнелл признаёт, что на подобную эволюцию взглядов Цицерона могли оказать влияние многие факторы, в том числе драматические обстоятельства его жизни в данный период. Одним из таких факторов он считает влияние произведений Платона и, в особенности, его писем. По мнению исследователя, Цицерон использует образ греческого философа для обоснования своих действий на политической арене, позиционируя себя как «римского Платона», что находит отражение в его открытом самовосхвалительном письме к проконсулу Киликии Публию Корнелию Лентулу Спинтеру (*Fam. I. 9*), написанном в декабре 54 г.

Вторая глава «Цицерон и седьмое письмо Платона» (с. 62–114) достаточно тесно примыкает к первой. Она посвящена детальному анализу писем Цицерона к Аттику, написанных в 49 г., уже после начала гражданской войны между Помпеем и Цезарем. Ш. Макконнелл приходит к выводу, что эти письма составляют тщательно продуманную апологию, созданную Цицероном по образцу седьмого письма Платона; в ней он оправдывает свои действия и занятую им политическую позицию.

В третьей главе «Цицерон и Дикеарх»⁶ (с. 115–160) Ш. Макконнелл рассматривает воздействие на философские взгляды

⁶ Она представляет собой расширенный и переработанный вариант более ранней статьи: *McConnell S. Cicero and Dicaearchus // Oxford Studies in Ancient Philosophy. Vol. 42. 2012. P. 307–349.*

ды Цицерона перипатетика Дикеарха. В качестве источника он использует переписку Цицерона с Аттиком в 50 г., в канун гражданской войны между Цезарем и Помпеем. По мнению автора, эти письма ясно показывают: Дикеарх оказал серьезное влияние на размышления Цицерона по очень важному для античной философии вопросу о том, какая жизнь, деятельная (πρακτικὸς βίος) или созерцательная (θεωρητικὸς βίος), является наилучшей. В частности, Цицерон использует аргументацию Дикеарха для защиты активного участия в политической жизни в письме Att. VII. 3. Сочинения самого Дикеарха, к сожалению, не сохранились. Поэтому значительную часть главы занимает предложенная Ш. Макконнеллом реконструкция политических и этических воззрений греческого философа, которые в значительной степени отличались от ортодоксии школы перипатетиков – взглядов Аристотеля и Феофраста (с. 124–142). С точки зрения автора, сильное влияние Дикеарха можно обнаружить также в трактате Цицерона «О государстве».

Четвёртая глава «Лекция в духе стоиков: *Epistulae ad familiares* 9.22» (р. 161–194) целиком посвящена анализу данного письма Цицерона, адресованного Луцию Папирию Пету. По мнению Ш. Макконнелла, это послание написано в форме лекции (σχολή) философской школы стоиков. Оно посвящено вопросу о том, должен ли мудрец говорить откровенно и называть вещи своими именами. Письмо было написано в одно время с «Парадоксами стоиков» – марте–апреле 46 г. – и, как доказывает Ш. Макконнелл, имеет много общего с этим философским сочинением. В заключительной части главы автор анализирует ряд других писем 46 и 45 гг. (Fam. IX. 2; IX. 5; IX. 16 и др.), демонстрируя, как Цицерон использует философские воззрения академиков и стоиков для разрешения тех политических и этических проблем, которые приобрели особую актуальность после установления единовластия. Главная из них – это проблема выстраивания отношений с новым режимом. По мнению Ш. Макконнелла, в 46 г. Цицерон идентифицирует философию стоицизма с делом республиканцев. После его краха логичным концом для стоика становится смерть: наиболее ярким примером этого служит самоубийство Катона. Такой выход, с точки зрения Цицерона, безусловно, заслуживает уважения. Но для республиканца открыт и другой, более умеренный путь, направленный на сосуществование с тиранией; обоснование этому тезису Цицерон ищет в философии академиков.

В пятой главе «Имея дело с Цезарем: συμβουλευτικόν» (с. 195–219) Ш. Макконнелл исследует попытки Цицерона в 45 г. установить новые отношения с Цезарем, используя такое средство, как ‘philosophical letters of advice’. Содержание этих посланий, до нас не дошедших, автор пробует реконструировать на основании переписки с Аттиком в данный период. По мнению Ш. Макконнелла, в качестве образца Цицерон использовал письма Аристотеля к Александру Македонскому, известные по фрагментам и ссылкам древних авторов⁷. Пожалуй, именно в этой главе автор наименее убедителен, а его построения в большинстве своём носят гипотетический характер, что, впрочем, связано с состоянием источниковой базы.

В заключении (с. 220–227) Ш. Макконнелл ещё раз подчёркивает необходимость изучения переписки Цицерона как важного источника по политической и интеллектуальной жизни Римской республики I в., а также истории римской и эллинистической философии. Автор указывает, что некоторые из сохранившихся писем вполне могут быть отнесены к жанру философских посланий, построенных по греческим образцам. Такие письма являются важной составной частью философского наследия Цицерона, хотя сам он и не называет их в списке своих философских трудов, перечисленных в диалоге «О дивинации». Одной из своих заслуг Ш. Макконнелл считает попытку привлечь переписку для реконструкции взглядов на отдельные вопросы эллинистических философов (в частности, перипатетика Дикеарха или стоика Зенона), произведения которых ныне утрачены. Автор указывает на возможность использования писем для дальнейшего исследования некоторых других проблем: например, влияния переписки Цицерона на последующую римскую традицию философских посланий (Горация, Овидия, Плиния Младшего, Сенеки и Фронтон); дебатов между различными философскими школами I в. и т.д.

На наш взгляд, логичным дополнением к книге была бы глава, посвящённая влиянию на Цицерона эпикурейской фило-

⁷ Вопрос о том, действительно ли эти письма принадлежали Аристотелю, Ш. Макконнелл не рассматривает, т.к. в древности они считались безусловно подлинными; не был исключением и Цицерон. Отметим, кстати, что при рассмотрении этого вопроса Ш. Макконнелл ссылается в том числе и на работу нашего отечественного учёного: *Кошеленко Г.А.* Аристотель и Александр (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам») // ВДИ. 1974. № 1. С. 22–44.

софии. Переписка и здесь могла бы послужить богатым источником для интересных наблюдений⁸. Ш. Макконнелл сам осознаёт этот пробел, оправдываясь тем, что отчасти затрагивает данный вопрос в других главах, и отсылая читателя к работам других авторов: уже упоминавшейся статье М. Гриффин⁹ и монографии итальянского учёного С. Мазо¹⁰ (с. 8). Однако С. Мазо в своей книге явно недостаточно использует нефилософские произведения Цицерона – речи и особенно письма¹¹. М. Гриффин же ограничивается только анализом некоторых писем из сборника ‘Ad familiares’, вовсе не затрагивая, например, переписки с Аттиком. Приходится констатировать, что более детальное изучение этого вопроса остаётся пока делом (надеемся, недалёкого) будущего.

Фактическую неточность в книге нам удалось обнаружить только одну. На с. 17 автор повторяет неверное мнение М. Гриффин о том, что в письме к своей жене Теренции (Fam. XIV. 1. 4) Цицерон говорит о Луции Кальпурнии Пизоне Цезонине, известном эпикурейце, и якобы намекает на его эпикуреизм, используя слово *voluptas*. На самом деле из содержания письма понятно, что имеется в виду зять Цицерона Гай Кальпурний Пизон Фруги, о принадлежности которого к эпикурейской школе ничего неизвестно. Все цитаты из древних авторов, латинские и греческие, Ш. Макконнелл приводит как в оригинале, так и в английском переводе. Однако отдельные греческие слова в тексте почему-то печатаются то в их нормальной форме, то в латинской транслитерации (например, с. 159: ‘theōrētikos bios’).

Подводя итоги, отметим, что, с нашей точки зрения, рецензируемая книга является ценным оригинальным исследованием, которое значительно обогащает наши представления как о философском наследии Цицерона, так и об интеллектуальной жизни Поздней римской Республики в целом.

⁸ См., например, письма Цицерона к эпикурейцам Аттику (Att. II. 3. 2; Att. IV. 6. 1), Гаю Требацию Тесте (Fam. VII. 12; VII. 16. 3), Марку Фадию Галлу (Fam. VII. 26. 1), Гаю Кассию Лонгину (Fam. XV. 16; XV. 18) и др.

⁹ Griffin M. Op. cit. P. 325–346.

¹⁰ Maso S. *Capire e dissentire: Cicerone e la filosofia di Epicuro*. Napoli, 2008.

¹¹ На что указывают и рецензенты: Schofield M. Cicero and Epicurus. Rev. on: Maso S. *Capire e dissentire: Cicerone e la filosofia di Epicuro*. Napoli, 2008 // CR. Vol. 60. 2010. P. 438–439.